

В.А. Ильиных, В.Б. Лапердин
Институт истории Сибирского отделения РАН

**ПОСЕВНАЯ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИИ 1935 г.
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ:
НАСТУПЛЕНИЕ НА ЕДИНОЛИЧНИКОВ**

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.:
становление и функционирование колхозной системы»*

В статье на основе широкого корпуса опубликованных и неопубликованных источников осуществлена детальная аналитическая реконструкция хода посевной и хлебозаготовительной кампаний 1935 г. в единоличном секторе Западно-Сибирского края. Показаны методы воздействия органов управления региона на единоличное крестьянство, выявлены поведенческие практики единоличников. Анализ проводился в контексте аграрной политики Советского государства. В 1935 г. экономическое и политическое наступление большевистского режима на единоличную деревню, начатое в предыдущем году, переместилось в сферу хлебозаготовок. Основным методом стимулирования единоличников к выполнению посевных и заготовительных планов являлись репрессии, в том числе локальные депортации. Установлено, что усиление налогово-податного пресса на единоличные хозяйства в 1935 г. ускорило сокращение их численности.

Аграрная политика Советского государства, коллективизация, единоличники, хлебозаготовки, налогово-податная система, сельское хозяйство, Сибирь.

Одной из составляющих массовой коллективизации являлась ликвидация единоличного крестьянства. Часть единоличников была раскулачена и депортирована, многие бежали из деревни, большинство же крестьян вступило в колхозы. В 1932–1933 гг. коллективизация приостановилась. К снижению ее темпов привело ослабление экономического и политического давления на единоличников. Основные усилия режима переключились на так называемое организационно-хозяйственное укрепление колхозов, их чистку от «классово чуждых и разложившихся элементов» и «социалистическое воспитание колхозников». Около трети крестьянских хозяйств России, пережив бурю и натиск первых лет «социалистической реконструкции» сельского хозяйства, адаптировались к сложившимся политико-экономическим условиям и не желали терять свое единоличное состояние. В 1934 г. руководители Советского государства признали сложившуюся ситуацию недопустимой. Было принято решение резко усилить политический и экономический прессинг на единоличников. Наиболее действенным способом давления на них стало увеличение уровня налогообложения, которое фактически приобрело реквизиционный характер. Общие размеры обложения единоличных хозяйств основными видами денежных налогов в Западно-Сибирском крае на 1934/35 г. увеличились в 3 раза, а в следующем, 1935/36 г. – еще в 1,5 раза [17, с. 70].

Начавшийся в 1934 г. этап развития политики Советского государства по отношению к единоличному крестьянству неоднократно становился предметом

анализа российских историков. При этом основное внимание исследователи уделяли вопросам денежного обложения единоличников (см. [8; 2; 17; 12; 7] и др.). Фактически не исследованными остаются особенности реализации государственной политики в сфере натуральных податей и повинностей.

Задача настоящей работы состоит в детальной аналитической реконструкции хода посевной и хлебозаготовительной кампаний 1935 г. в единоличном секторе Западно-Сибирского края. Подобный анализ позволяет определить базовые особенности аграрной и заготовительной политики Советского государства в середине 1930-х гг., показать основные методы управления сталинской мобилизационной экономики, выявить поведенческие стратегии единоличного крестьянства.

В 1933 г. контрактационная система отчуждения хлеба в колхозно-крестьянском секторе сельской экономики СССР была заменена обязательными зернопоставками¹, официально имеющими налоговый статус. В соответствии с принятым в этом году законодательством размеры обязательных поставок исчислялись по единым для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Возможный недосев в расчет не брался. Средние региональные нормы определялись правительственным постановлением. На их основе

¹ Помимо зернопоставок на единоличные хозяйства Сибири также возлагались задания по обязательным поставкам подсолнечника, картофеля, мяса, молока и шерсти.

край- и облысполкомы устанавливали порайонные нормы. Нормативы сдачи для единоличных хозяйств должны были на 5–10% превышать колхозные.

Поставки зерна провозглашались «первоочередной обязанностью» всех категорий сдатчиков, к которым они должны были приступить сразу же после начала обмолота и осуществлять в строгом соответствии с установленными для каждого региона календарными сроками. Для единоличников вводились более сжатые сроки завершения сдачи. Несвоевременное выполнение заготовительного задания наказывалось в административном порядке досрочным взысканием «в бесспорном порядке» оставшегося объема поставок и денежным штрафом: для колхозов – в размере рыночной стоимости недоимки, для единоличных хозяйств – до пятикратной рыночной стоимости. В случае повторного невыполнения обязательств, а также «злостного» или «группового» его характера единоличники привлекались к судебной ответственности по ст. 61 УК РСФСР [12, с. 107–108].

Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении обязательных поставок запрещали местным органам власти и заготовителям налагать на сдатчиков дополнительные заготовительные задания. Однако данный запрет остался лишь декларацией. На сдатчиков развешивалась так называемая страховка, которая представляла собой надбавку к рассчитанным по нормам объемам поставок. Надбавка включалась в обязательства, вручаемые колхозам и единоличникам, учитывалась в порайонных и региональных планах хлебозаготовок, но не входила в государственное задание. Собираемое в счет надбавок зерно поступало в распоряжение краевых/областных властей и с разрешения правительства могло быть использовано как для погашения обязательств недородных районов и хозяйств, так и для выдачи им продовольственных и семенных ссуд. Таким образом, с помощью страховой надбавки часть податной нагрузки перекладывалась с недородных хозяйств на урожайные. Страховка имела внеюрисдикционный и непубличный (конспиративный) характер. В законодательных актах и в открытой печати она не упоминалась [9, с. 262].

В 1933/34 заготовительном году в Западно-Сибирском крае страховая надбавка для колхозов составляла +3% к государственному плану, а для единоличников – +72,3%, в 1934/35 г. – +7,9 и +125% соответственно [24, л. 1; 3, л. 90]. Таким образом, для колхозов страховка имела характер относительно незначительной надбавки, а для единоличников ее размеры были вполне сопоставимы с базовым заданием. Одной из причин завышения надбавки для единоличных хозяйств являлась вероятность самоликвидации части из них (бегство из деревни, вступление в колхоз и др.). Возникающие в связи с этим риски невыполнения планов зернопоставок местные власти перекладывали на других единоличников.

Нормы хлебосдачи в счет обязательных поставок для единоличных хозяйств в 1933 и 1934 гг. оставались неизменными. На 1935 г. их было решено существенно повысить. В Западно-Сибирском крае единоличники должны были сдать зерна государству с 1 га примерно на 33% больше, чем колхозы, не обслуживаемые МТС, в Омской области – на 50, в Краснояр-

ском крае – на 30%. Кроме того, существенно уплотнились сроки хлебосдачи. Единоличникам Сибири надлежало выполнить свои обязательства по госпоставкам до 15 октября² [29].

15 февраля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили план ярового сева по регионам, культурам и секторам [30]. 22 февраля в краевой газете «Советская Сибирь» опубликовали постановление Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома о порайонной разверстке плана ярового сева по колхозам и единоличным хозяйствам, а 27 марта – постановление тех же органов управления регионом о порайонных нормах хлебосдачи. После этого началось доведение посевных заданий до хозяйств, а также вручение им обязательств по зернопоставкам.

Установленный для единоличного сектора план сева (617,5 тыс. га) был абсолютно невыполним. Резкое увеличение денежного налогообложения в 1934 г. вызвало нарастающее сокращение численности единоличников. Еще 14 ноября 1934 г. на созванном в крайкоме ВКП(б) совещании секретарей райкомов и начальников политотделов МТС северо-восточных районов Западно-Сибирского края местные функционеры жаловались первому секретарю крайкома Р.И. Эйхе, что они не смогли выполнить план хлебозаготовок по единоличному сектору и не смогут выполнить планы по сбору денежных налогов, потому что многие единоличники бросили свои хозяйства и «разбежались» [3]. В начале 1935 г. количество единоличных хозяйств и их производственный потенциал продолжали снижаться. Руководители регионов в этих условиях попытались добиться сокращения посевных заданий. Ходатайства частично удовлетворили. В соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 марта 1935 г. план ярового сева 1935 г. для единоличных хозяйств Западно-Сибирского края был снижен лишь на 40 тыс. га (на 6,5%) [19, л. 56]. Вступление части единоличников в колхозы привело к перераспределению посевного задания между секторами. Итоговый план по единоличному сектору составил 535 тыс. га [1, с. 230].

После начала весенних полевых работ в европейской части страны выявилось повсеместное невыполнение единоличниками посевных заданий. Это вызвало жесткую реакцию Центра. 25 апреля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, обязывающее региональные органы управления «обеспечить доведение планов посева до каждого в отдельности единоличного хозяйства и добиться полного выполнения ими установленных для них планов сева». «Во всех случаях выявления отказов единоличных хозяйств от принятия планов сева или обязательств по зернопоставкам» предлагалось применять к виновным предусмотренные законодательством меры воздействия [33, с. 473–474].

В Сибири единоличники также были не в состоянии справиться с разверстанными на них посевными заданиями. В Западно-Сибирском крае на 15 мая выполнение плана сева яровых культур по единоличному сектору составило 15,5%, тогда как по колхозам –

² Согласно ранее существующим нормам единоличные хозяйства Сибири должны были завершить хлебосдачу до 1 ноября.

66,5% [31]. Такое поведение единоличников было однозначно определено как «контрреволюционный саботаж». Р.И. Эйхе в докладной записке на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова сообщал: «В период подготовки к севу сопротивление единоличников выражалось в массовом выезде из районов. Только по 15 обследованным районам с 1 января по 1 апреля 1935 г. учтено выбывших из деревни 11 397 единоличников, из них 1190 выбыли вместе с семьями. В ряде районов зарегистрированы факты организованного отказа единоличников от получения и выполнения посевных обязательств. Единоличные хозяйства к началу сева разбазаривали тягловую силу. В ряде сел Бийского, Смоленского, Мошковского и других районов разбазарено единоличниками за февраль – апрель свыше 50% тягловой силы. В отдельных селах оставшиеся у единоличников лошади умышленно доводились до полного истощения» [33, с. 500–501].

«Саботажников» в массовом порядке привлекали к уголовной ответственности по ст. 58, ч. 14 (за «контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата») и ст. 61 УК РСФСР (за «отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение»).

Однако руководителям края этого показалось недостаточно и они обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить применение «к наиболее злостным единоличникам, саботирующим сев, таких мер, как лишение приусадебных участков, выселение наиболее злостных из них в северные районы»³. 20 мая Политбюро ходатайство удовлетворило [33, с. 501; 20, л. 16].

Проведенная в конце мая высылка единоличных хозяйств имела показательный выборочный характер. Она затронула 55 районов края, которые имели наибольшую долю единоличных хозяйств и низкие показатели выполнения посевного плана. Из нескольких сел каждого района высылались по три – пять «наиболее злостных саботирующих хозяйств». Всего в ходе локальной высылки на спецпоселение было вывезено 588 хозяйств в составе 2615 чел. [15, с. 110–111]. На 5 июня 1935 г., по сообщению крайпрокурора И.И. Баркова, по делам, связанным с посевной кампанией, в крае осудили 1555 единоличников, что составляло 50% от общего числа осужденных [4, л. 8].

Несмотря на репрессии, добиться от единоличников выполнения посевного задания не удалось. Яровых культур единоличные хозяйства Западно-Сибирского края засеяли на 55% меньше, чем планировалось. При этом качество посева, производившегося из-под палки, было крайне низким. Секретарь Солонешенского райкома ВКП(б) А.С. Лаптев в письме Р.И. Эйхе сообщал: «Посевной план был доведен [до единоличников] 1660 га на 1308 дворов, а посеяли 422 га, причем сеяли так, что только отводили глаз, в результате на

полосках родилась трава» [1, с. 230, 235]. Основной причиной невыполнения заготовительного задания явилось значительное сокращение числа единоличников. На 1 января 1935 г. в крае насчитывалось 253 тыс. единоличных дворов, а на 1 июля – 161 тыс. (в 1,6 раза меньше) [13, с. 9]. Площадь посева хлебов в индивидуальном секторе аграрной экономики Западно-Сибирского края в 1935 г. сократилась по сравнению с предыдущим годом на 40%, в колхозах – увеличилась на 5,6, а по всем секторам в целом – уменьшилась на 1% [18, с. 15, 17].

Невыполнение плана сева не освобождало единоличников от выполнения рассчитанного по плановому посеву годового задания по зернопоставкам. 16 июля 1935 г. прокурор СССР направил прокурорам союзных республик циркуляр, в котором предлагал дать «указания местным органам, что с единоличных хозяйств, не выполнивших данного им плана весеннего сева, хотя бы их земли и были засеяны колхозами или совхозами, обязательства по зернопоставкам не снимаются, и они обязаны их выполнить. За отказ от выполнения плана зернопоставок единоличными хозяйствами виновных неуклонно привлекать к уголовной ответственности по частям 2 или 3 статьи 61 УК РСФСР» [33, с. 552].

11 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили годовой план зернопоставок по стране в целом и отдельным регионам. Установленный Западно-Сибирскому краю план равнялся 55 млн пуд. Из них 51 млн пуд. должны были сдать колхозы и 4 млн пуд. – единоличные хозяйства [33, с. 532]. Вручили же обязательства по хлебосдаче данным категориям плательщиков в итоге на 56 432 тыс. пуд. и 9883 тыс. пуд. соответственно [22, л. 206]. Таким образом, страховая надбавка для колхозов составляла 5432 тыс. пуд. (+10,7% к государственному плану), для единоличников – 5883 тыс. пуд. (+68%).

Проходивший в конце июля очередной пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) решил форсировать темпы хлебозаготовок. Единоличники обязывались рассчитаться с государством не позже 15 сентября [5, л. 87].

Доля единоличных хозяйств в общекраевом плане централизованных хлебозаготовок⁴ составляла лишь 4,3%. Несмотря на это, нажим на единоличников оказывался еще больший, чем на другие категории хлебосдатчиков. Во-первых, большевистский режим продолжал начатое в 1934 г. политическое и экономическое наступление на единоличную деревню. Во-вторых, в ряде районов Западно-Сибирского края (прежде всего северных и северо-восточных) доля единоличных хозяйств в общем числе крестьянских дворов была относительно велика. В целом по краю на 1 июля 1935 г. она составляла 19,3%, а в Сорокинском районе – 39,9, Кожевниковском – 39,8% [16, с. 124–125].

На 1 сентября выполнение государственного плана зернопоставок единоличными дворами в крае со-

³ Указанные меры предусматривались постановлением ЦИК СССР от 30 января 1933 г. в отношении «единоличников, ударившихся в спекуляцию и упорно отказывающихся обрабатывать и засеивать обрабатываемые ими земли» [28].

⁴ Помимо обязательных поставок в план централизованных хлебозаготовок включалась сдача зерна колхозами в счет натуроплаты за работы МТС, хлебосдача совхозов, возврат натуральных ссуд колхозами и совхозами.

ставило 27%, а краевого плана с учетом страховых надбавок – 11% [23, л. 36, 58; 24, л. 29]. Управление НКВД Западно-Сибирского края выявило факты «саботажа» единоличников хлебоуборки и хлебопоставок [33, с. 568]. «Пользуясь отсутствием контроля и нажима со стороны сельсоветов, многие единоличники под разными предлогами затягивают хлебоуборку. В некоторых районах зарегистрированы факты скрытой уборки и обмолота хлеба. Единоличники Луганского и Курочкинского сельсоветов Тальменского района убирают урожай ночью, прячут в кусты и тайно обмолачивают дома <...>. По ряду сельсоветов Кытмановского района единоличники убирают и молотят хлеб тайком от сельсовета. Намолоченный хлеб ночью развозят по домам. К хлебоуборке не приступают. Часть единоличников отказывается от уборки и хлебосдачи. В Легостаевском районе зарегистрированы факты, когда единоличники, вызванные в сельсовет, отказываются от уборки своих посевов, мотивируя тем, что план хлебопоставок им все равно не выполнить. Отдельные единоличники, саботируя хлебоуборку, скрываются от сельсовета. <...> В с. Точильном Смоленского района единоличники к уборке не приступали, несмотря на готовность хлеба. На вызовы сельсовета являются или женщины, или дети, которые заявляют, что трудоспособные члены семьи выехали из села и убирать хлеб некому. <...> В Тогульском, Шипуновском, Тальменском, Алтайском и Кожевниковском районах продолжают выезды единоличников из сел в целях уклонения от хлебопоставок».

Низкие темпы хлебосдачи единоличниками и «саботажа» поставок с их стороны были признаны абсолютно неприемлемыми. Районы получили указание в сжатые сроки добиться выполнения единоличными хозяйствами годового заготовительного задания, привлекая «тех единоличников, которые пытаются увильнуть от выполнения своей первой заповеди, к строжайшей ответственности» [32].

Кампания по борьбе с «саботажем» единоличников, на наш взгляд, репрезентативно представлена на страницах мошковской районной газеты «За большевистские колхозы»⁵. 5 сентября в Мошково с участием командированного в район уполномоченного комиссии советского контроля по Западно-Сибирскому краю А.Р. Розита состоялось районное совещание председателей колхозов и сельсоветов по вопросу хлебоуборки и зернопоставок. Согласно информации, опубликованной 7 сентября в вышеназванной газете, выступивший на совещании Розит «особенно беспощадной критике подверг кулацкий саботаж зернопоставок единоличниками. Причины саботажа – отсутствие контроля за сдачей хлеба единоличниками со стороны сельсоветов, нежелание организовывать красные тока, супряги для возки хлеба, элеваторы и тому подобное».

7 сентября в районной газете было опубликовано информационное сообщение райпрокурора Ефремова. В нем сообщалось, что на 1 сентября выполнение го-

дового плана по зернопоставкам единоличными хозяйствами района составило 22%. «Это преступный показатель. Во многих сельсоветах единоличники злостно уклоняются от выполнения хлебосдачи и становятся на путь саботажа. В связи с этим привлекаются к уголовной ответственности и предаются суду группа единоличников Кубовинского сельсовета: 1) Ковригин Александр, 2) Шевелев Иван, 3) Ерофеев Иван, 4) Еремин Семен, 5) Шумкин Иван. Вышеуказанная группа единоличников по обоюдному между собойговору категорически отказалась сдавать зерно государству и проводит антисоветскую агитацию среди единоличников за несдачу зернопоставок государству. По тому же сельсовету привлечен к уголовной ответственности и предается суду Шамин Евдоким, который хлеб государству не сдает, а занимается спекуляцией хлебом, продает его частным лицам»⁶.

10 сентября газета «За большевистские колхозы» вышла с передовой статьей «Поставку зерна единоличниками завершить к 15-IX-35 г.». В ней сообщалось, что на 5 сентября выполнение годового плана по зернопоставкам единоличными хозяйствами района составило 26%. Но в ряде сельсоветов (Репьевском, Карпысакском, Верхне-Балтинском, Дубровинском, Кубовинском) этот показатель еще ниже – от 5 до 15%. «Председатель Репьевского сельсовета т. Бобров самотеком в работе сумел испакостить хорошее мероприятие: организовал красные тока, взял у колхозов молотилки, организовал обмолот хлеба единоличников и разрешил единоличникам везти хлеб вместо элеватора к себе по домам. После этого становится понятным, почему у председателя Боброва план зернопоставок единоличниками не выполняется – он сам помог нарушить им свои обязательства перед государством. Председатель Дубровинского сельсовета Безукладников, план зернопоставок по единоличному сектору выполнен на 6 процентов, сам возглавил кулацкий саботаж незыблемого закона о зернопоставках. Этот руководитель сельсовета вслух заявляет: «Где единоличники возьмут хлеб? Они сеяли какие-то пустышки». Вот такие слюнтяи, как Безукладников, выступающие в роли кулацких защитников, якобы беспосевных единоличников, или руководители, которым все нипочем, которые на словах способны перевернуть горы, дай им только точку опоры, оппортунистическая самоуспокоенность первичных парторганизаций, забросивших политмассовую работу среди единоличников, сбросивших со счетов, и привели наш район в число срывщиков зернопоставок по единоличным крестьянским хозяйствам».

17 сентября бюро Мошковского райкома ВКП(б) и президиум райисполкома приняли постановление [10], в котором признали «совершенно неудовлетворительным выполнение плана хлебосдачи в единоличном секторе. На 15 сентября сдано 42% от планового объема, тогда как к этому времени единоличники должны были завершить зернопоставки». Особое внимание в постановлении уделялось ситуации в

⁵ Удельный вес единоличных хозяйств в общем числе крестьянских дворов в Мошковском районе на 1 июля 1935 г. составлял 29,9%, доля их посевов зерновых в общем хлебном клине – 8,9% [16, с. 125, 174].

⁶ В соответствии с законодательством продажа хлеба единоличникам и колхозам разрешалась только после выполнения регионом государственного плана централизованных хлебозаготовок и создания необходимых семенных запасов.

Репьевском сельсовете, в котором был зафиксирован «исключительно преступный факт организованного хищения хлеба единоличников, допущенный председателем Репьевского сельсовета Бобровым под видом “оплаты” натурой за работу по хлебосдаче членам сельсовета»⁷. В связи с этим районному прокурору предлагалось «привлечь к судебной ответственности Боброва и всех членов Репьевского сельсовета, участвовавших в расхищении хлеба единоличников, закончив следствие в ближайшие дни». Вместе с Бобровым к судебной ответственности были привлечены члены Репьевского сельсовета («жищники», как их назвал селькор «комсомолец Петрикевич») Е. Шкадов, И. Шкадов, С. Савченко, И. Гладкий, Кобзарев и Хорошуля [11].

25 сентября в газете «За большевистские колхозы» была помещена информация народного судьи Мошковского района Саломатова о том, что 18 сентября суд рассмотрел дело единоличников, «преступно уклонившихся от выполнения поставок зерна государству», М.С. Сивакова («имел обязательство сдать зернопоставки 14,30 центнера, не сдал ничего и занялся спекуляцией – продал 11 пудов хлеба, а остальное зерно спрятал») и В.Е. Боброва («должен был сдать 11 центнеров, а сдал 1,62 центн[ера], продал по спекулятивным ценам 12 пудов, а остальной хлеб спрятал и преступно издевался над классовой слепотой сельсоветчиков, нагло им заявил: «Хлеб я спрятал – попробуйте, найдите!»). Сиваков приговорен к 8 годам тюремного заключения с конфискацией всего имущества, Бобров – к 10 годам тюремного заключения с конфискацией всего имущества. «Кроме того, арестованы Ковырялова и Савин Илья за скрытие хлеба в ямах: у Ковыряловой обнаружено спрятанного в яме хлеба 7 центнеров, у Савина – 3 центнера».

Осенью 1935 г. «на хлебном фронте» проводились и внесудебные репрессии. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский обратились в ЦК компартии с ходатайством о разрешении высылки на спецпоселение из 9 северо-восточных районов края 500 хозяйств, «организующих саботаж и оказывающих сопротивление хлебопоставкам». Политбюро санкционировало высылку 20 сентября. Абсолютное большинство депортированных крестьян являлись единоличниками [15, с. 111; 6, л. 45].

Несмотря на нажим, добиться от единоличников края завершения зернопоставок ни к 15 сентября, ни к концу месяца не удалось. С начала кампании до 1 октября 1935 г. они сдали государству 3180 тыс. пуд. хлебопродуктов. Выполнение государственного плана составило 79,5%, а краевого плана с учетом страховых надбавок – 32% [23, л. 36, 58; 24, л. 29]. Часть единоличников, получивших задание по хлебосдаче, сбежала из деревни или вступила в колхозы⁸. А у оставшихся зерна для выполнения обязательств перед государством не было.

⁷ Бобров, организовавший обмолот хлеба для крестьян-единоличников поселка Ярского, выплатил членам сельсовета, которые обеспечивали работу молотилки, заработную плату зерном [11].

⁸ В июле – сентябре 1935 г. численность единоличных дворов в Западно-Сибирском крае сократилось с 161 тыс. до 127 тыс. (на 21%) [13, с. 9].

Календарные планы хлебосдачи не были выполнены и по другим категориям хлебосдатчиков. Основной причиной этого являлся катастрофический неурожай в основных зернопроизводящих юго-западных районах Западной Сибири. Руководители края первоначально недооценили масштабы недородов. Однако убедившись в невозможности выполнения развернутого плана централизованных хлебозаготовок, они добились от Центра его существенного снижения. В частности, были списаны недоимки по хлебопоставкам с единоличников, вступивших в колхозы [33, с. 595, 613].

В октябре 1935 г. в Западно-Сибирском крае началось фактическое сворачивание хлебозаготовительной кампании. Ресурсов для выполнения сокращенного плана централизованных заготовок в крае было достаточно. Необходимости в применении репрессий для этого не было. Применительно к единоличникам задачей максимум являлось выполнение государственного плана хлебосдачи без учета страховой надбавки.

Темпы централизованных хлебозаготовок в крае стали падать. Объем зернопоставок единоличниками снизился с 2089 тыс. пуд. в сентябре до 497 тыс. пуд. в октябре (в 4,2 раза). До 1 июля 1936 г. (даты официального завершения заготовительного 1935/36 года) они сдали еще 115 тыс. пуд. а за год в целом – 3792 тыс. пуд. Выполнение государственного годового плана поставок единоличными хозяйствами в итоге составило 94,8%. В Омской области план 1935/36 г. по единоличному сектору был выполнен на 89%. Объем зернопоставок единоличников в Западной Сибири⁹ в целом в 1935/36 г. сократился по сравнению с 1934/35 г. на 51%, в СССР – на 40% [23, л. 35, 37; 25, л. 17; 26, л. 50; 27, л. 19; 17, с. 247].

Усиление налогового-податного прессы на единоличные хозяйства в 1934–1935 гг. вызвало сокращение численности и удельного веса единоличников. Количество единоличных хозяйств в РСФСР с 1 июля 1934 г. по 1 июля 1935 г. сократилось на 45,3%, с 1 июля 1935 г. по 1 июля 1936 г. – на 44,2%. Уровень коллективизации за это время вырос с 71,6 до 90,5% [14, с. 2–3]. Однако в 1937 г. показатели коллективизации вновь начали топтаться на месте. Более того, в ряде регионов количество единоличных дворов за счет исключенных из колхозов даже выросло. Оставшиеся единоличники в очередной раз смогли приспособиться к сложившимся политико-экономическим условиям, а местные власти несколько снизили давление на них, вновь переключившись на колхозников. Но относительная передышка была недолгой. Лидеры большевистского режима расценили замедление темпов коллективизации как совершенно недопустимое и перешли к окончательному штурму единоличного сектора экономики советской деревни.

Литература

1. Аграрная политика и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильных, О.К. Кавцевич. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. – 608 с.

⁹ В Западную Сибирь включена территория Западно-Сибирского края и Омской области в границах 1935 г.

2. Вылцан, М.А. Последние единоличники / М.А. Вылцан // Кооперативный план: иллюзии и действительность. – Москва: Рос. гос. гум. ун-т, 1995. – С. 72–90.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. П-4. – Оп. 2. – Д. 605.
4. ГАО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Д. 671.
5. ГАО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Д. 674.
6. ГАО. – Ф. П-3. – Оп. 2. – Д. 690 б.
7. Глебов, А.Н. Правовое регулирование налогообложения крестьянства в 1928–1941 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Глебов А.Н. – Нижний Новгород, 2012. – 34 с.
8. Глумная, М.Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Глумная М.Н. – Москва, 1994. – 30 с.
9. Дэвис, Р. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1931–1933. / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 543 с.
10. За большевистские колхозы (Мошково). – 1935. – 9 сент.
11. За большевистские колхозы. – 1935. – 25 сент.
12. Ильиных, В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. / В.А. Ильиных – Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. – 167 с.
13. Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1935 г. – Новосибирск: Сибирское краевое земельное управление, 1936. – 113 с.
14. Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. – Москва; Ленинград: Госпланиздат, 1939. – 143 с.
15. Красильников, С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
16. Народное хозяйство Запсибкрая: стат. ежегодник. – Новосибирск: Зап.-Сиб. КУНХУ, 1936. – 424 с.
17. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. – Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. – 210 с.
18. Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. – Москва; Ленинград: Госпланиздат, 1939. – 332 с.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 961.
20. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 964.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 29.
22. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 115.
23. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 117.
24. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 119.
25. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 121.
26. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 134.
27. РГАЭ. – Ф. 8040. – Оп. 3. – Д. 936.
28. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). – 1933. – № 6. – Ст. 41.
29. СЗ СССР. – 1935. – № 16. – Ст. 126.
30. Советская Сибирь (Новосибирск). – 1935. – 18 февр.
31. Советская Сибирь. – 1935. – 19 мая.
32. Советская Сибирь. – 1935. – 5 сент.
33. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – Москва: РОССПЭН, 2002. – Т. 4: Конец 1934 – 1936. – 1056 с.

V.A. Pyinykh, V.B. Laperdin

**SOWING AND GRAIN COLLECTION CAMPAIGNS OF 1935
IN WEST SIBIRIAN REGION:
STRUGGLE AGAINST INDIVIDUAL PEASANTS**

The article contains a detailed analytical reconstruction of sowing and grain collection campaigns which took place in the individual sector of West Siberian region in 1935. The authors reveal the methods adopted by the regional authorities to influence individual peasants and behavioral practices of individual farmers. The analysis was carried out in the context of the agrarian policy of the Soviet state. In 1935 economic and political offensive of Bolshevik regime launched a year before against individual peasants moved into the sphere of grain collections. The main method of encouraging individual peasants to implement sowing and harvesting plans was repression including local deportations. It is established that the increased taxation on individual peasants in 1935 accelerated the reduction of this stratum.

Agricultural policy of the Soviet state, collectivization, individual farmer, grain collection, taxation, agricultural industry, Siberia.